

УДК 349.6

DOI 10.55346/27825647_2022_5_04

Бондарь Н. С.,

заведующий Центром судебного права ИЗ и СП
при Правительстве РФ,

заведующий кафедрой муниципального права
и природоохранного законодательства ЮФУ,
судья Конституционного Суда РФ в отставке,
доктор юридических наук, профессор,

заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,
г. Ростов-на-Дону, Россия

© 2022

Дата приема:
22.08.2022

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ — НОВАЯ КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ВВОДНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ, ПРАКТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В статье предлагается авторское понимание экологической юриспруденции как межотраслевого понятия, в основе которого — конституционные начала регулирования основополагающих отношений природоохранной деятельности, обеспечения экологической безопасности личности, общества, государства. На этом базисе формируется экологический конституционализм как новая категория современной юриспруденции. Ее основные структурные характеристики включают: доктринальные начала, составляющие теоретическую концепцию экологического конституционализма; нормативный компонент, ядром которого являются конституционно-правовые нормы и институты природоохранного назначения; правоприменительно-охранительный компонент; учебно-образовательная составляющая экологического конституционализма; мировоззренческий, культурологический компонент, включающий экологическую культуру личности и общества. С учетом предложенных методологических подходов анализируется нормативно-правовая составляющая экологического конституционализма, практика его реализации, возможные перспективы совершенствования и повышения уровня экологической культуры.

Ключевые слова: Конституция; конституционализм; природоохранная юриспруденция; экология; градостроительство; землепользование; права человека; судебная власть; законодательная власть; Конституционный суд; суды общей и арбитражной юрисдикции.

Заявленная тема настоящей статьи находится в русле основной тематики III Форума судебного конституционализма, который посвящен проблемам экологического конституционализма, имея в виду как научно-теоретические, доктринальные аспекты, так и практику правотворчества, правоприменения в со-

четании с учебно-методическими аспектами экологического образования и экологической культуры. В этом плане статья носит одновременно вводный характер к тематической подборке публикаций в настоящем номере журнала. Представленные в этом выпуске исследовательские материалы будут способствовать — хотелось бы надеяться — представлению о широте, многогранности экологической, природоохранной проблематики; одновременно это позволяет автору настоящей публикации ограничиться положениями в целом вводного характера, имея в виду их ориентацию на некоторые концептуальные и практико-прикладные аспекты экологического конституционализма.

1. *Формирование экологического конституционализма* — относительно новая проблема современной юриспруденции, имеющая широкий, комплексный характер, различные публично-властные уровни и отраслевые направления своей реализации. При этом представляется очевидным, что для решения авторской задачи (как и для тематики Форума в целом) приоритетное значение имеют, естественно, правовые, в особенности конституционно-правовые, аспекты экологической проблематики, хотя очевидной является актуальность и многих других направлений — экономических, социально-политических, социокультурных, как и смежных направлений научных исследований (имея в виду экономическую географию, биологию, геологию, климатические и иные естественно-научные исследования в области природопользования, экологической безопасности и т. п.).

Приоритетное значение имеет уяснение методологически значимого вопроса о *научно-теоретическом, доктринальном обосновании самой категории экологического конституционализма*. Это тем более важно, учитывая, что сегодня сами по себе природоохранные, экологические, энергетические, другие находящиеся в этом ряду проблемы неизбежно приобретают острое социально-политическое, нравственно-этическое и правовое звучание. В нынешних условиях глобальных природно-экологических и техногенных вызовов, развивающихся на фоне беспрецедентных геополитических событий, системных угроз России, которые напрямую влияют и предельно обостряют вопросы безопасности личности, общества и государства, в том числе в их взаимоотношениях с быстро деградирующей природной средой, повышенное методологическое значение имеют широкие, комплексные подходы к анализу данной проблематики как в законодательном, правотворческом, так и в правоприменительном проявлении. На это как раз и сориентирована категория экологического конституционализма.

Говоря о самой по себе категории экологического конституционализма, важно учитывать то обстоятельство, что *формирование системы экологического конституционализма может быть представлено как двуединый процесс*: с одной стороны, это проникновение конституционных начал, принципов и ценностей Основного закона в экологическую сферу, *конституционализация экологического законодательства* и механизмов его реализации, публично-властной, общественной и других практик природоохранной направленности. С другой стороны, это своего рода встречные процессы, связанные с проникновением эколого-правовых начал в сферу и конституционного, и отраслевого (публичного и частного) законодательства и в конечном счете с *экологизацией системы конституционализма* в

основных его содержательных и структурных характеристиках. Оба эти процесса заслуживают самостоятельного анализа, специальных оценок.

В этом плане экологический конституционализм как универсальная (межотраслевая) правовая категория призван отразить качественно новый уровень правового регулирования широкой сферы природоохранных отношений и, соответственно, вывести на новый уровень актуализацию экологических проблем в современном обществе и государстве. В этом плане актуальными, практически значимыми являются современные конституционно-правовые подходы к экологической проблематике — как с точки зрения классической формулы закрепления природных ресурсов (в первую очередь земли) в качестве основы жизнедеятельности народов, проживающих на соответствующей территории, так и связанные с конституционными поправками 2020 года, которые вывели на качественно новый уровень вопросы совершенствования экологической культуры и экологического образования, а также задачи регулирования соответствующих отношений.

2. Нет сомнений, что постановка и изучение проблем современного конституционализма в рамках соответствующих направлений природопользования и природоохраны будет способствовать, с одной стороны, дальнейшему углублению знаний в области конституционализма и, с другой стороны, практическому решению конкретных вопросов экологии, природоохраны, которые регулируются нормами и институтами не только конституционного, но и гражданского, административного, финансового, налогового, уголовного, иных отраслей права¹.

При этом важно отметить то обстоятельство, что основные ориентиры, касающиеся формирования экологического конституционализма, связаны не только с самим по себе текстом Конституции РФ и с конституционными поправками 2020 года, которые действительно стали мощным толчком для актуализации данной тематики. Несомненно, конституционные поправки относящиеся прежде всего к статье 114 Конституции РФ (пункты «е.5», «е.6») ориентируют на широкую, многоплановую постановку новых экологических проблем сквозь призму конституционного регулирования. Эти новеллы заслуживают особого внимания, в том числе в рамках заявленной тематики.

В то же время в русле вводных замечаний важно отметить, что экологический конституционализм, *во-первых*, имеет своей формально-юридической предпосылкой не только указанные и иные специальные (природоохранной ориентации) конституционные положения, но практически всё нормативное содержание Конституции. Речь идет, прежде всего, об основах конституционного строя, правах и свободах человека и гражданина, системе публичной власти на различных уровнях территориальной организации населения и т. п., в которых имплицитно присутствует экологически ориентированное нормативное содержание. *Во-вторых*, необходимо учитывать широкую, межотраслевую, междисциплинарную проблематику экологии в современном ее понимании — это не только экологическое право в его классическом восприятии, но и вся система природоохранного регулирования в современном обществе и государстве, включая земель-

¹ Бондарь Н. С. Конституционализм как всеобъемлющая универсальная категория: судебный, экономический, правоохранительный, экологический // Современный конституционализм: теория и практика. Спутник высшей школы. 2022. № 2 (7). С. 4–10.

ное, лесное, водное право, градостроительное законодательство и т. д. *В-третьих*, экологические, природоохранные начала имеют многоуровневое категориальное конституционно-правовое оформление «по вертикали», имея в виду, что все составляющие экологического конституционализма (обозначенные выше) присутствуют и реализуются на всех ярусах единой публичной власти. Это означает, что как конституционно-правовая сфера регулирования, так и система экологических отношений в их практико-прикладном значении проявляются на всех соответствующих этажах территориальной организации населения и всех уровнях функционирования публичной власти. При том, что данный подход характерен для анализа практически всех проблем государственно-правового устройства общества, нельзя не отметить, что применительно к экологической проблематике он имеет особое значение, так как связан с оценкой, характеристикой природных условий жизнедеятельности и экологической безопасности на всех, в том числе малых территориях конституционного пространства страны.

Речь идет о находящихся в субординационном единстве трех основных уровней публично-властной организации общества и государства:

а) Федерации в целом, включающей бескрайние просторы всей территории государства;

б) субъектов Российской Федерации с их природно-климатическими, экономическими, этническими, культурно-историческими особенностями, порождающими не только «единство, богатство в многообразии», но и серьезные социально-территориальные различия, а порой и глубокие, неоправданные проявления регионального неравенства, включая *неравные гарантии экологической безопасности*¹;

в) муниципальный уровень публично-правовой самоорганизации населения, *наиболее приближенный к населению* не только в плане осуществления публичной власти, но и взаимоотношений с окружающей средой, обеспечения надлежащих условий землепользования, градостроительного комфорта, гарантий экологической безопасности.

В контексте третьего, *низового уровня природоохранных (властно-вертикальных) отношений*, уместно вспомнить идеи А. И. Солженицына о «демократии малых пространств», имея в виду видение писателя того, как возможно было «обустроить Россию» после распада Союза ССР, используя исторически присущие России преимущества земств как института местного самоуправления². «Малые пространства» самоуправленческой демократии с надпартийными формами территориальной самоорганизации населения, будучи в наибольшей степени приближенными к населению, требуют повышенного внимания к экологической среде проживания. В этом плане «экология малых территорий» — не просто возможность приближения, а сфера погружения человека в природную среду, публично-властная основа территориальной сферы экологической безопасности.

¹ Речь идет, естественно, не о природно-экологическом неравенстве (различия в природной среде проживания в том или ином регионе очевидны), а о различиях в объеме, характере государственных гарантий экологической безопасности населения различных регионов.

² См.: Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию // Литературная газета. 1990, 18 сентября.

Эти подходы во многом характерны и для *региональной экологической политики*, с учетом того, что именно регион вместе с входящими в него муниципальными образованиями (в Ростовской области, например, в настоящее время насчитывается 43 муниципальных района и 12 городских округов, хотя до недавнего времени, до муниципальной «реформы», было 463 муниципальных образования) представляет собой единый не только географический, хозяйственно-экономический, социокультурный, но и природно-климатический комплекс. Не случайно в Устав Ростовской области в свое время (в 2008 г.) была внесена поправка в виде главы 2.1 «Пространственное развитие Ростовской области». Думаю, это был достаточно дальновидный шаг, опередивший в какой-то мере федерального законодателя: в 2019 г. Правительство Российской Федерации издало распоряжение «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года»¹.

В приложении к этому документу значится, в том числе, Ростовская область со всеми стратегическими ориентирами, касающимися пространственного развития, включая отчасти и экологическую проблематику. Упомянул об этом, имея в виду, что сегодня новую главу 2.1 Устава необходимо оценивать с принципиально новых сегодняшних позиций и принятой федеральной Стратегии территориального пространственного развития. Это тем более важно, если учитывать, что, к сожалению, все три статьи, которые содержатся в главе 2.1 ориентированы преимущественно на градостроительные проблемы; пространственное же развитие предполагает значительно более широкий, комплексный подход к экономическому, экологическому, социально-культурному, демографическому развитию территории, сердцевиной которого должно быть, как представляется, преодоление огромных диспропорций не только в межрегиональном, но и внутрирегиональном социально-экономическом развитии. Не случайно в одном из своих выступлений на заседании Совета Безопасности Президент РФ, говоря об имущественном расслоении, о проблеме бедности, отметил, что территориальные различия в доходах, социальном положении доходят до 40-кратного размера!²

Представляется, что с учетом именно таких территориальных основ комплексного развития становится возможным формирование, говоря словами В. И. Вернадского, ноосферы как сферы разума³, которая, смею предположить, имеет прямое отношение и к категории экологического конституционализма. Дело в том, что конституционализация экологического законодательства и природоохранного правоприменения — есть в конечном счете не что иное, как формирование конституционной ноосферы, которая возникает как высшая ступень правовой эволюции биосферы. При этом, по В. И. Вернадскому, решающей силой, которой человек изменяет биосферу и превращает ее в ноосферу, является наука.

Яркое подтверждение этого можно найти — вопреки библейскому утверждению, что «пророк не имеет чести в своем отечестве» (Ев. от Иоанна. Гл. 4. Стих 44)

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 25.06.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ, 18.02.2019, № 7 (часть II), ст. 702.

² См.: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/15/820698-novie-meri>.

³ См.: Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский; Отв. ред. А. Л. Яншин; [Предисл. А. Л. Яншина, Ф. Т. Яншиной]; АН СССР. М.: Наука, 1991. — 270 с.

— в родном регионе. Речь идет, как представляется, об имеющем не только историческое значение факте, связанном с вкладом представителей фундаментальной науки (в лице группы ученых Ростовского государственного университета (РГУ) под руководством выдающегося ректора РГУ Ю. А. Жданова) в сохранение природной среды Азово-Донского бассейна. Для Ю. А. Жданова безусловным научным авторитетом не только в естественно-научных, но и философско-мировоззренческих вопросах был В. И. Вернадский, идеи которого во многом сподвигли коллектив ученых РГУ под руководством Ю. А. Жданова на создание математической модели Азовского моря¹.

В связи с этим возникает вопрос: есть ли место в этих процессах для юриспруденции, имея в виду, с одной стороны, процессы формирования ноосферы как сферы разума, а с другой — утверждение института экологического конституционализма? Есть все предпосылки дать на этот вопрос утвердительный ответ — ведь без юридической доктрины, включающей в себя конституционные, частно- и публично-правовые начала правового регулирования, невозможно представить себе процессы упорядочивания взаимоотношений человека и общества с природой. В рамках данных процессов упорядочивания необходимо определенное «нормирование» биосферы как среды обитания отдельного человека и человечества в целом. В этом плане, как бы это ни показалось странным и неожиданным, формирование ноосферы — это задача и проблема в том числе современной юриспруденции. При том, что в современной правовой системе экологическое право существует в виде относительно самостоятельной отрасли (наряду с которым получили признание земельное, водное, лесное право, комплексная система правоохранительного законодательства и т. п.), следует иметь в виду, что нормативно-правовые механизмы влияния на экологическую среду носят во многом универсальный, межотраслевой характер. В рамках такого всеобъемлющего воздействия права на окружающую среду реализуются правоохранительные, регулятивные, праввосстановительные, равно как и информационные, культурологические, воспитательно-мировоззренческие начала и функции современного права. На этом базисе формируется *межотраслевая система природоохранной юриспруденции*.

Важно при этом учитывать, что само понятие *природоохранного законодательства* отечественной доктриной определяется через предмет правового регулирования *двояко: в узком и широком смыслах*. В первом случае оно представляет собой совокупность законодательных и иных нормативно-правовых актов, содержащих правовые нормы, регулирующие только охрану окружающей среды. Во втором случае в предмет правового регулирования включается пользование природными ресурсами, обеспечение экологической безопасности и экологического правопорядка². В этом отношении природоохранное законодательство представляет собой результат, конечный продукт правотворчества, осуществляемого на

¹ См.: В Президиуме АН СССР. Научный доклад: Ворович И. И., Жданов Ю. А. Имитационная модель экосистемы Азовского моря // Вестник АН СССР. 1982 г., № 8. С. 24 (в 1983 году эта работа получила Государственную премию СССР).

² Боголюбов С. А. Соотношение правового регулирования рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды // Правовой механизм обеспечения рационального использования природных ресурсов: монография/отв. ред. Е. А. Галиновская. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2018. С. 60–77.

разных уровнях публичной власти различными субъектами. В то же время оно выступает упорядочивающим поведение людей фактором, ориентированным на согласование, систематизацию системы дозволений, запретов, ограничений, санкций в экологической сфере. При этом обоснование системы природоохранного законодательства — достаточно сложная задача. Дело не только в том, что ее можно конструировать исходя из нескольких критериев, например юридической силы актов, их формы, пространственно-территориального или временного действия, классификации источников права, видов правовых норм, наборов правовых институтов или инструментов (средств) регулирования, уровня кодифицированности и др. Нельзя не учитывать также интенсивность развития, уровни стабильности и подвижности (динамизма) различных институтов и направлений правоохранительного законодательства, неопределенность границ между отдельными институтами и отраслями природоохранного законодательства, тесное переплетение глобальных, национальных, региональных, муниципальных уровней природоохранной сферы не только правовой, но и социально-экономической, социокультурной и иной проблематики.

Как, на каких основах возможно в связи с этим определить базовые начала природоохранной юриспруденции, понимаемой в широком смысле? На помощь как раз может прийти комплексная, межотраслевая категория экологического конституционализма. Именно данная категория позволяет отразить все отраслевое многообразие, многоуровневый, разноректорный характер правового регулирования соответствующих отношений, в основе которого лежат конституционные начала. Впрочем, представляется оправданным анализу нормативно-правовой составляющей экологического конституционализма предпослать некоторые более общие — опять же, во многом имеющие вводное значение — структурные характеристики данной категории.

3. Сам факт того, что категория экологического конституционализма призвана отразить междисциплинарные, многоуровневые подходы к комплексному анализу, оценке соответствующих явлений, это предполагает объективные предпосылки уяснения структурных характеристик и общего содержания данного понятия, его инструментальное значение в соответствующей сфере теоретической и практической юриспруденции. Представляется очевидным, что в основе этих подходов, связанных в том числе с уяснением структурных характеристик межотраслевой категории экологического конституционализма, лежит понимание природы, универсальных начал самой категории конституционализма.

Конституционализм как одна из фундаментальных философско-правовых категорий юриспруденции призвана отражать важнейшие (универсальные) ценности современной цивилизации, которые в концентрированном виде проявляются в закономерностях демократической организации общества и государства, признания и защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства права на основе поиска баланса власти и свободы. При этом важно учитывать, что анализ проблем конституционализма отражает единство теории и практики, законодательства и правоприменения, конституционно-правовой аксиологии и онтологии в самом широком их проявлении, принимая во внимание как государственно-властную, так и экономическую, социально-культурную,

естественно-природную среду обитания человека, его взаимоотношений с обществом и государством. Конституционализм является одной из универсальных ценностей современной юриспруденции, входит в этом качестве в состав мирового культурного наследия всего человечества, с одной стороны, и является национально-культурным достоянием каждого отдельного народа, нации, государства, с другой¹.

Экологические, природоохранные изменения в современном мире, безусловно, имеют, в том числе конституционно-правовое значение; эти проблемы все активнее включаются в сферу конституционно-правового регулирования. Как свидетельствует опыт национального и зарубежного конституционного развития, эколого-природоохранная сфера является сегодня одной из важнейших областей конституционно-правового влияния. В перспективе же, по мере усиления проблем экологической безопасности, значение данной сферы конституционно-правового регулирования, и в этом нет сомнений, будет только возрастать. По этой причине представляется весьма своевременной и перспективной постановка вопроса о разработке концепции экологического конституционализма. При этом есть все основания обратить внимание на ключевые структурные характеристики категории экологического конституционализма, определяющие в том числе содержательные параметры данной категории.

Во-первых, важна доктринальная, философско-правовая основа обоснования экологического конституционализма. Она представляет собой систему политико-правовых идей, подходов, концептуальных начал, которые характеризуют конституционные основы взаимоотношений общества и личности с природой. Это своего рода *гносеологическая составляющая* экологического конституционализма. И в данном случае имеют важное значение, в том числе философско-правовые подходы к пониманию современного состояния экологии и взаимоотношений общества и личности с экологической средой. Именно в этом аспекте выше упоминалось учение В. И. Вернадского о ноосфере, равно как и научно-практический вклад в их развитие Ю. А. Жданова.

Во-вторых, экологический конституционализм как межотраслевая категория воплощает в себе нормативно-правовую составляющую. В этом плане нормативно-правовые характеристики экологического конституционализма могут быть представлены в государственно-иерархическом и институционно-отраслевом аспектах. Из сложных, полиструктурных нормативных характеристик данной категории представляется возможным выделить своего рода общую и особенную части нормативного содержания экологического конституционализма.

Общую часть экологического конституционализма составляют, прежде всего, конституционные нормы, определяющие основные предметные характеристики данной сферы регулирования общественных отношений, цели, задачи, принципы такого регулирования, правовой режим важнейших объектов природоресурсных отношений. В институционном плане общая часть экологического конституционализма может быть представлена следующим образом:

¹ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография / 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 26–29.

а) конституционные нормы, определяющие правовой режим земли и других природных ресурсов как основы жизни и деятельности проживающих на соответствующей территории народов и составляющие *основы конституционного строя* России (ст. 8, ст. 9, ч. 1 Конституции РФ);

б) конституционные нормы, определяющие *основы эколого-правового статуса личности*, право граждан на благоприятную окружающую среду, обеспечение радиационной безопасности, экологической безопасности, человека и общества (ст. 36, ч. 3 ст. 41, ст. 42 и ст. 58 Конституции РФ);

в) компетенционные нормы, определяющие *основные начала разграничения компетенции в природоресурсной сфере* как по вертикали, так и по горизонтали, имея в виду, что Конституция достаточно подробно регулирует разграничение природоресурсной компетенции прежде всего по вертикали (полномочия Российской Федерации определяются на основании п. «д», «е», «н», «о», «р» ст. 71 Конституции РФ; совместное ведение РФ и субъектов РФ — п. «в» — «д», «к», «м» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ);

г) *конституционные основы самоуправленческих полномочий в природоресурсной сфере* (ст. 130, ч. 1; ст. 131, ч. 1; ст. 132 Конституции РФ).

К общей части экологического конституционализма примыкают также решения Конституционного Суда РФ (в дальнейшем — КС РФ), имеющие сопоставимую с конституционными нормами юридическую силу. О возрастающей активности КС РФ по рассмотрению экологических дел свидетельствует тот факт, что с 1 января 2018 года по 1 августа 2022 года Суд принял 513 решений, относящихся к коду 110 000 000 «Природные ресурсы и охрана окружающей природной среды» классификатора правовых актов, утвержденного Указом Президента РФ от 15 марта 2000 г. № 511, из которых 14 — Постановления КС РФ (эти показатели заметно выше какого-либо предшествующего периода осуществления конституционного правосудия). Что же касается содержательной характеристики соответствующих решений КС РФ, то этот вопрос, безусловно, заслуживает самостоятельного анализа; но в числе многих важных решений нельзя не отметить — в аспекте рассматриваемой проблематики — так называемые «Чернобыльские решения» КС РФ, начиная с первого, Постановления от 1 декабря 1997 года № 18-П. Им была определена сама природа экологического вреда от Чернобыльской катастрофы как конституционного, неисчерпаемого и невосполнимого, который должен возмещаться не в традиционных юридических формах отраслевого законодательства, а на уровне прямых конституционно-правовых отношений государства и гражданина. Представляется, что именно этими подходами КС РФ были заложены доктринальные и нормативно-правовые основы экологического конституционализма в условиях формирования уникальной системы государственной защиты жертв Чернобыльской катастрофы. Ведь, как подчеркивается в Постановлении КС РФ, эта экстраординарная по своим последствиям техногенная авария XX века привела к неисчислимым экологическим и гуманитарным потерям; в результате были существенно нарушены не только право на благоприятную окружающую среду (статья 42 Конституции РФ), но и, как следствие этого, другие конституционные права и интересы граждан, связанные с охраной жизни, здоровья, жилища, имущества, а также право на свободное передвижение и выбор места пребывания и житель-

ства, которые ущемлены столь значительно, что причиненный вред оказался реально невозполнимым. Это породило *особый характер отношений между гражданином и государством*, заключающийся в том, что государство принимает на себя обязанность возмещения такого вреда, который, исходя из его масштабов и числа пострадавших, не может быть возмещен в порядке, установленном гражданским, административным, уголовным и другим отраслевым законодательством. Данная конституционно-правовая обязанность государства корреспондирует праву граждан на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного их здоровью или имуществу экологической катастрофой, и вытекает из положений статей 2 и 18 Конституции РФ, согласно которым признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, а также из статьи 53 Конституции РФ, закрепляющей обязанность возмещения государством вреда, связанного с осуществлением государственной деятельности в различных ее сферах, независимо от возложения ответственности на конкретные органы государственной власти или должностных лиц¹.

Особенную часть экологического конституционализма составляют институты правовой охраны земель, недр, вод, лесов и иной растительности, животного мира, особо охраняемых природных территорий и объектов, атмосферного воздуха, являющиеся одновременно институтами отраслей экологического, земельного, горного, водного, лесного, воздушного природно-заповедного, других отраслей и институтов природоресурсного права. При этом регулирование природоохранительных отношений осуществляется преимущественно с помощью императивного метода, методов административной, уголовной, гражданско-правовой ответственности.

Важно отметить тот очевидный факт, что так называемая особенная часть экологического конституционализма весьма динамична, находится в активном развитии и при этом на крайне низком уровне систематизации. Речь идет не только о количественных показателях массива эколого-природоохранного законодательства. Наряду с Федеральным законом от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»², имеющим в определенной мере кодификационное предназначение, действует разветвленная система эколого-природоохранного законодательства: в области земельного права — Земельный кодекс РФ³, Федеральный закон от 10.01.1996 № 4-ФЗ «О мелиорации земель»⁴, в сфере лесного законодательства — Лесной кодекс РФ⁵, водного законодательства — Водный кодекс РФ⁶, а также достаточно широкий массив других законодательных актов: Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире»⁷, Федеральный закон

¹ См.: Постановление КС РФ от 1 декабря 1997 года № 18-П (п. 1, абз. 1, 2)

² С изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022 г. // Российская газета. № 6. 12.01.2002.

³ С изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022 // Российская газета. № 211–212. 30.10.2001.

⁴ В ред. от 08.12.2020 // Российская газета. № 10. 18.01. 1996.

⁵ С изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022 // Российская газета. № 277. 08.12.2006.

⁶ В ред. от 01.05.2022 // Российская газета. № 121. 08.06.2006.

⁷ С изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021 // Российская газета. № 86. 04.05.1995.

от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»¹, Федеральный закон от 11.07.2011 № 190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² и многие другие, прямо или косвенно относящиеся к экологической сфере³.

Третьим элементом категории экологического конституционализма является *конституционно-правовая практика реализации природоохранного законодательства и защиты экологии*. В данном случае имеется в виду, прежде всего, судебная практика. В этом отношении принципиально важно обратить внимание на конкретные направления деятельности, судебные решения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, судов общей и арбитражной юрисдикции (учитывая, что этот вопрос заслуживает самостоятельного внимания).

Четвертый элемент экологического конституционализма — это мировоззренческая, образовательно-культурологическая его составляющая. В этой части принципиальное значение имеют поправки к Конституции 2020 года — статья 114, пункты «е.5» и «е.6». Именно эти положения впервые возвели на высший конституционный уровень проблемы формирования системы экологического образования граждан Российской Федерации, воспитания экологической культуры, равно как и проблемы сохранения уникального природного и биологического разнообразия страны, в чем закрепляется своего рода «экологический плюрализм» наряду с экономическим и политическим, формирование в обществе, как сказано в пункте «е.5», ответственного отношения к животным и к природе в целом.

Особое значение имеет в этой системе координат экологического конституционализма *экологическое образование*. Открытие в 2022 году на юридическом факультете Южного федерального университета новой магистерской программы — *Природоохранное право: экология, землеустройство, градостроительство* — имеет все предпосылки для того, чтоб внести свой вклад, а, возможно, и сказать новое слово в системе междисциплинарной подготовки специалистов соответствующего профиля на стыке юриспруденции, экологии, градостроительства, управления, ориентируясь при этом на требования времени и запросы рынка труда.

4. Каждый из отмеченных компонентов экологического конституционализма заслуживает специального исследования. Особое значение представляет, однако, в рамках профессионально-юридической ориентации, нормативно-правовой и в том числе конституционный компонент природоохранной сферы. Это тем более важно, учитывая весьма проблемный характер развития эколого-правоохранительного законодательства как особой части экологического конституционализма. Очевидно, в частности, что сегодня российское эколого-природоохранное законодательство идет по пути отраслевого расчленения комплексной проблемы рационализации природопользования на отдельные отрасли законодательного регулирования.

¹ В ред. от 01.05.2022 // Российская газета. № 232. 30.11.1995.

² В ред. от 21.12.2021 // Российская газета. № 153. 15.07.2011.

³ Например, в главе 8 «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

Теория и практика современного законодательства еще не выработали достаточно материала для теоретического обобщения всех факторов, создающих стройную концепцию рационального природопользования, как и определений рациональности, оптимальности, достаточности, устойчивости. В результате — состояние и тенденции развития эколого-природоохранного законодательства оказываются явно неадекватными реальным экологическим процессам, которые угрожают самому существованию современного общества, его институтов, а в конечном счете — всего человечества как биологического вида и социальной общности¹.

Более того, системные (точнее — бессистемные) характеристики эколого-природоохранного законодательства усугубляются еще одним обстоятельством, связанным с многообразием и неупорядоченностью самих форм нормативно-правовых актов, относящихся к соответствующей сфере правового регулирования, — появлением недостаточно определенных с точки зрения как юридической природы, так и тематики, сфер регулирования так называемых политико-правовых актов в области экологии и природоохраны². К настоящему моменту можно наблюдать процесс активизации деятельности различных органов государственной власти по принятию самых разнообразных по содержанию и сферам правового регулирования документов государственной экологической политики: стратегий, доктрин, прогнозов, основ государственного курса в той или иной области общественного развития. К этому можно добавить, что не всегда представляется возможным установить иерархию актов, посвященных определению политики в одной и той же области общественных отношений, но принятых различными органами государственной власти³.

В этих условиях повышенный интерес представляют конституционные основы экологического развития, в том числе связанные с внесением поправок 2020 г. в Основной закон России, которые призваны гарантировать следование заданным ориентирам экологически устойчивого развития. К таковым следует отнести новые положения ст. 114 Конституции РФ, согласно которым Правительство обеспечивает проведение единой социально ориентированной государственной политики в области охраны окружающей среды; осуществляет меры, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения

¹ См. более подробно: Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития: монография / В. Б. Агафонов, В. К. Быковский, Г. В. Выпханова и др.; под ред. Н. Г. Жаворонковой. М.: Норма, Инфра-М, 2014.

² См., например: Правовое регулирование использования и охраны биологических ресурсов: научно-практическое пособие / С. А. Боголюбов, Е. А. Галиновская, Д. Б. Горохов и др.; отв. ред. Е. Л. Минина. М.: ИЗИСП, ИНФРА-М, 2016. 328 с.; Хлуденева Н. И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды: монография. М.: ИЗИСП, ИНФРА-М, 2014. 172 с.; она же: Регулятивная функция экологического права: проблемы реализации // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 142–151. Минина Е. Л., Шуплецова Ю. И. Лес и растительный мир: правовые проблемы разграничения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1. С. 84–104.

³ Краснов И. О. Правовая природа и система актов государственной экологической политики // Актуальные проблемы российского права, 2022. № 1. С. 164–177.

к животным; создает условия для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры. Эти конституционные положения явились основой внесенных изменений в ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (п. 5 ст. 22 ФКЗ).

Возвращаясь же к проблематике экологического конституционализма, важно учитывать, что поиск решения этих, как и других эколого-природоохранных вопросов должен основываться на конституционно-правовых методологических подходах, на понимании того, что текущее (отраслевое, специальное законодательство в области экологии) представляет собой специальную, особенную часть экологического конституционализма, и в его основе лежит Конституция, предполагающая необходимость учета конституционно-правового регулирования природоресурсных отношений во всем их многообразии. Это подтверждается и **сравнительно-правовыми, компаративистскими аспектами экологического конституционализма**. Ограничимся в этом плане лишь отдельными зарисовками из зарубежного опыта как конституционно-правового регулирования, так и практики реализации экологического конституционализма, принимая во внимание, например, зарубежную практику создания специализированных экологических (природоохранных) судов.

Так, в отношении опыта конституционного закрепления положений, соотносящихся с экологическим конституционализмом, примечателен факт регулирования данных отношений в конституциях некоторых стран уже в преамбулах основных законов, чем подчеркивается особая значимость этого комплекса вопросов. В частности, Конституция Кыргызской Республики образца 2021 года в преамбуле содержит такой тезис: «Мы, народ Кыргызстана... исходя из заветов наших предков жить в мире и согласии, в гармонии с природой...»¹. Схожее положение содержится в преамбуле Конституции Центрально-Африканской Республики 2015 года, в которой определено, что только гласное осуществление публичных дел и управление окружающей средой может обеспечить гармоничное, рациональное и устойчивое развитие. Учитывая ценностное, ориентирующее значение преамбулы для всей конституционной модели государства, такой подход представляется вполне обоснованным, задающим определенные ориентиры для дальнейшего регулирования экологических отношений как в самом конституционном тексте, так и в уточняющем законодательстве.

Также к особенностям и признанию повышенного значения конституционного закрепления экологических отношений следует отнести наличие специальных глав (разделов), посвященных проблемам и вопросам экологии и природопользования. Например, в Конституции Швейцарской конфедерации существует специальный раздел — «Окружающая среда и пространственное планирование»; Конституция Панамы 1972 г. содержит специальные главы «Экологический режим», «Аграрный режим», регулирующие вопросы природопользования и землепользования. Кроме того, следует упомянуть Конституцию Малайзии, где в отдельной главе достаточно подробно урегулированы вопросы землепользования — ее резервирование, аренда, изъятие у собственников, использование и его

¹ URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения: 15.09.2022).

пределы, а также создания специального органа — Национального земельного совета для выработки национальной политики по содействию и контролю за использованием земли в интересах разработки недр, развития сельского хозяйства, лесоводства и т. д.¹

Конечно, сам факт наличия или отсутствия отдельных структурных элементов, регулирующих вопросы экологии и природопользования, не обеспечивает большей степени гарантированности прав и свобод человека и гражданина в этой сфере. Тем не менее актуализация проблем экологического развития и необходимость обеспечения баланса в сфере производственного, экономического развития и сохранения окружающей природной среды предполагает необходимость корректировки конституционного регулирования данной сферы общественных отношений, что может проявляться в том числе в более детальном конституционном закреплении подобного рода вопросов.

Имеют место определенные особенности и в зарубежном конституционном закреплении прав и обязанностей человека в сфере экологии. Например, в конституционных актах Словении, Азербайджана, Молдовы и других стран закрепляется право на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением не только здоровью, но и имуществу человека.

Одновременно в Конституции Узбекистана предусматривается целый перечень обязанностей, вытекающих из экологических отношений: граждане обязаны бережно относиться к окружающей среде (ст. 50); использовать имущество, не причиняя ущерб экологической среде (ст. 54); рационально использовать природные ресурсы, которые являются общенациональным богатством и охраняются государством (ст. 55)². Вызывает интерес положение ст. 31 Конституции Армении, в соответствии с которым правом собственности на землю не пользуются иностранные граждане и лица без гражданства, за исключением случаев, предусмотренных законом³. Выделяя некие специфические решения по регулированию прав и обязанностей в экологической сфере, обращает на себя внимание положение ст. 24 Конституции Греции, в которой установлено, что охрана природной и культурной окружающей среды является обязанностью государства. Государство обязуется принимать *специальные превентивные или репрессивные меры* для ее охраны.

Кроме того, на конституционном уровне определяются обязанности государства в культурной и образовательной сфере. Так, в Португалии государство для обеспечения права на окружающую здоровую среду в условиях устойчивого развития обязано повышать уровень образования по проблемам окружающей среды, воспитания уважения к ценностям окружающей среды. Такого рода полномочие перекликается с компетенцией Правительства РФ (о чем говорилось выше) по созданию условий для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры.

¹ См.: Боголюбов С. А. Сравнительный анализ положений о правах и обязанностях граждан в сфере природопользования по конституциям России и зарубежных стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 3. С. 74.

² URL: <https://lex.uz/docs/35869> (дата обращения: 15.09.2022.).

³ URL: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

Немаловажным является и аспект разграничения полномочий (в особенности в федеративных государствах) в сфере экологии и природопользования. Так, в Конституции Швейцарской конфедерации в разделе «Окружающая среда и пространственное планирование» устанавливается компетенция Союза — издание предписаний об охране человека и окружающей его среды от вредных или обременительных воздействий; забота об экономном использовании, охране водных ресурсов, о воспрепятствовании их вредным воздействиям; издание предписаний для охраны животного, растительного мира, для сохранения их жизненного пространства в естественном многообразии и т. д.¹ Распределение полномочий в Конституции Австрийской Федерации осуществлено следующим образом: к ведению федерации отнесено установление общих принципов законодательства, а к ведению земель — конкретизирующее регулирование, а также исполнительная деятельность в сфере экологии и природопользования.

В соответствии с положениями Основного закона ФРГ государство, сознавая ответственность перед будущими поколениями, защищает естественные основы жизни; федеральные земли также закрепили положение об обязанности сохранять естественные основы жизни как одну из целей государства. При этом федеральная власть участвует в выполнении землями их задач, если подобные задачи значимы для всего общества и участие Федерации необходимо для улучшения жизненных условий, в частности аграрной структуры, защиты береговой линии и т. д.²

Самостоятельным вопросом сравнительного исследования следует обозначить *функционирование специализированных органов публичной власти, имея в виду в первую очередь специализированные судебные органы в сфере экологии*. Причем практика функционирования подобных судов достаточно широко распространена в зарубежных странах. В системе ООН при реализации программы по окружающей среде сформированы рекомендации для национальных правовых порядков в части формирования и функционирования специализированных органов в сфере природопользования и экологии³. Применительно к данному вопросу отмечается два возможных направления: развитие системы административного и судебного правоприменения — создание экологических судов или экологических трибуналов⁴.

С точки зрения функционирования судебной системы выделяется несколько моделей функционирования подобных судов:

а) функционально и компетенционно самостоятельные суды (отдельный, полностью или в значительной степени независимый экологический суд) — на-

¹ Боголюбов С. А. Сравнительный анализ положений о правах и обязанностях граждан в сфере природопользования по конституциям России и зарубежных стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 3. С. 80.

² Боголюбов С. А. Указ. соч. С. 79.

³ Декларация «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 25 сентября 2015 г. // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf.

⁴ URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/10001/environmental-courts-tribunals.pdf> (дата обращения: 16.09.2022.).

пример, экологический суд в Новой Зеландии, земельный и экологический суд в Австралии;

б) суды, самостоятельные в принятии решений, но осуществляющие свою деятельность в рамках судов общей юрисдикции (например, экологическая коллегия в структуре Верховного суда штата Вермонт (США));

в) смешанные суды, которые могут функционировать как по первой или второй модели, так и включать в свой состав наряду со специалистами права специалистов в сфере экологии (Швеция, Чили);

г) суды общей юрисдикции, которые рассматривают экологические вопросы в дополнение к своей общей компетенции, зачастую без каких-либо дополнительных профессиональных знаний и навыков (Филиппины, штат Гавайи).

С учетом значимости экологической проблематики для отечественной правовой системы, особенностей и масштабов Российского государства, обладающего обширными территориями в различных климатических зонах, на российских судьях лежит повышенная ответственность за охрану окружающей среды, в том числе в общемировом масштабе. В этой связи проблема профилизации судебных инстанций в сфере экологии вполне оправданна. При этом важным методологическим началом в решении данного вопроса является отсутствие идеальной модели его решения, так как органы судебной власти формируются и функционируют с учетом правовых, социокультурных и ценностных начал конкретного государства, что предопределяет необходимость поиска и выработки самостоятельного решения вопроса о необходимости и обоснованности функционирования специализированных судов в сфере экологии.

Специализированный природоохранный (экологический) суд в рамках системы судов общей юрисдикции, функционирующий с участием специалистов в сфере экологии, а также представителей научного сообщества, способного оказывать влияние на судебную практику посредством выступлений на заседаниях научно-консультативных советов, как представляется, позволил бы сформировать требуемый контекст в условиях стремительного обострения вызовов, связанных с проблемой сохранения окружающей среды.

Одной из важных проблем при решении соответствующих вопросов, в том числе на основе использования зарубежного опыта, является поиск баланса между экологическими и экономическими интересами. К сожалению, нередко за счет именно экологии субъекты малого, среднего предпринимательства, а порой и крупного бизнеса пытаются нарастить свою прибыль, не считаясь с необходимостью сохранения природы и предупреждения возможных угроз экосфере. Роль суда в разрешении таких проблем может быть проиллюстрирована рядом фактов: например, в 2020 году судами удовлетворено 84% всех требований об оспаривании нормативно-правовых актов в сфере градостроительства, 62% требований об оспаривании решений и действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц по рассматриваемой проблематике, требования о возмещении экологического вреда была удовлетворены в 64% случаях (на общую сумму \$152 млрд).

Не менее, а возможно, и более острая проблема, — это экологические преступления. В 2020 году, например, за их совершение судами общей юрисдикции

было осуждено около 5300 человек, но 47% приговоров по данным делам вынесены за незаконную рубку лесных насаждений, 42% — за незаконную добычу водных биологических ресурсов. А это означает, что многие другие экологические преступления, столь же общественно опасные, совершение которых влечет не менее тяжелые последствия, к сожалению, не доходят до стадии судебного рассмотрения, а порой даже и до этапа уголовного производства!

Показательной является статистика административной ответственности за экологические правонарушения: ежегодно возбуждается около 3 тыс. дел о возмещении ущерба за нарушение природоохранного законодательства; к административной ответственности привлекается примерно 52 тыс. лиц, включая 8 тыс. организаций и 4 тыс. должностных лиц. Что касается других показателей правоприменительной деятельности в экологической сфере, то, например, только Верховный Суд РФ в лице своего Пленума как руководящего органа более 50 раз рассматривал важнейшие дела, касающиеся защиты окружающей среды. Правовые позиции по экологической тематике содержатся более чем в 150 постановлениях Президиума Верховного Суда РФ¹.

Нет сомнений, что изучение современных проблем экологического конституционализма в рамках обозначенных направлений будет способствовать дальнейшему углублению знаний в области конституционализма в целом, с одной стороны, и практическому решению конкретных вопросов природопользования, экологической безопасности, которые регулируются нормами и институтами гражданского, административного, уголовного, финансового, налогового, иных отраслей права, с другой стороны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боголюбов С. А. Соотношение правового регулирования рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды // Правовой механизм обеспечения рационального использования природных ресурсов: монография / отв. ред. Е. А. Галиновская. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2018.
2. Боголюбов С. А. Сравнительный анализ положений о правах и обязанностях граждан в сфере природопользования по конституциям России и зарубежных стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 3.
3. Бондарь Н. С. Конституционализм как всеобъемлющая универсальная категория: судебный, экономический, правоохранный, экологический // Современный конституционализм: теория и практика. Спутник высшей школы. 2022. № 2 (7).
4. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография / 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.

¹ См. Выступление Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева на Всемирной судейской конференции по вопросам окружающей среды, организованной Верховным народным судом КНР и Программой ООН по окружающей среде (UNEP) // URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/30054.

5. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский; отв. ред. А. Л. Яншин; [предисл. А. Л. Яншина, Ф. Т. Яншиной]; АН СССР. М.: Наука, 1991.
6. Ворович И. И., Жданов Ю. А. В Президиуме АН СССР. Научный доклад: Имитационная модель экосистемы Азовского моря // Вестник АН СССР. 1982 г. № 8.
7. Краснов И. О. Правовая природа и система актов государственной экологической политики // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1.
8. Минина Е. Л., Шуплецова Ю. И. Лес и растительный мир: правовые проблемы разграничения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1.
9. Правовое регулирование использования и охраны биологических ресурсов: научно-практическое пособие / С. А. Боголюбов, Е. А. Галиновская, Д. Б. Горохов и др.; отв. ред. Е. Л. Минина. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2016.
10. Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития: монография / В. Б. Агафонов, В. К. Быковский, Г. В. Выпханова и др.; под ред. Н. Г. Жаворонковой. М.: Норма, Инфра-М, 2014.
11. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию // Литературная газета. 1990. 18 сентября.
12. Хлуденева Н. И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды: монография. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014.
13. Хлуденева Н. И. Регулятивная функция экологического права: проблемы реализации // Журнал российского права. 2016. № 12.

Bondar N. S.,

Head of the Center of Judicial Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (ILCL), Head of the Department of Municipal Law and Environmental Legislation of the Southern Federal University (SFEDU), Judge Emeritus of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, LL. D., Professor, Rostov-on-Don, Russia

ECOLOGICAL CONSTITUTIONALISM AS A NEW CATEGORY OF MODERN JURISPRUDENCE:
INTRODUCTORY CONCEPTUAL AND PRACTICAL APPLIED REMARKS

The article represents the author's understanding of environmental jurisprudence as an intersectoral concept, which is based on the constitutional principles of regulating the fundamental relations of environmental protection, ensuring the environmental safety of the individual, society, state. On this basis ecological constitutionalism is being formed as a new category of modern jurisprudence. Its basic structural characteristics include: doctrinal principles which being part of the theoretical concept of ecological constitutionalism; a normative component having a core as constitutional and legal norms and institutions of environmental value; law enforcement as protective component; educational component of environmental constitutionalism; ideological, cultural component, including the ecological culture of the individual and society.